
АННА
Янсен
Будь счастлив, милый!
ИЗМЕНА

Анна Янсен

Измена. Будь счастлив, милый!

https://litres.ru/75061354
SelfPub; 2026

Аннотация

За столиком — мой муж. И другая девушка рядом с ним, та, которую он взял на мою должность на работе, пока я сидела в декрете с нашей дочерью.

Он склоняется к ней с той самой нежностью, с которой когда-то тянулся ко мне. Его рука касается её ладони, а в его глазах — то влюблённое спокойствие, что я так хорошо знала. Он не видит нас.

— Мама, там папа! И тётя — голос Аленки звучит слишком громко в этой ватной тишине.

Она тянет меня за руку и радостно машет в их сторону.

— Идём?

Её глаза светятся искренностью. Она ничего не понимает. Для неё папа — это папа. А тётя — просто тётя.

Я не могу вымолвить ни слова.

В горле будто ком застывает, а я еле держусь на ногах.

Он улыбается ей, продолжая не замечать нас.

А я стою, прижимая к себе ребёнка, и понимаю: всё, что мы строили, разбивается о её беззаботную улыбку и его взгляд, в котором меня больше нет.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Анна Янсен
Измена. Будь счастлив, милый!

Глава 1

Аннотация:

За столиком — мой муж. И другая девушка рядом с ним, та, которую он взял на мою должность на работе, пока я сидела в декрете с нашей дочерью.

Он склоняется к ней с той самой нежностью, с которой когда-то тянулся ко мне. Его рука касается её ладони, а в его глазах — то влюблённое спокойствие, что я так хорошо знала. Он не видит нас.

— Мама, там папа! И тётя… — голос Аленки звучит слишком громко в этой ватной тишине.

Она тянет меня за руку и радостно машет в их сторону.

— Идём?

Её глаза светятся искренностью. Она ничего не понимает. Для неё папа — это папа. А тётя — просто тётя.

Я не могу вымолвить ни слова.

В горле будто ком застывает, а я еле держусь на ногах.

Он улыбается ей, продолжая не замечать нас.

А я стою, прижимая к себе ребёнка, и понимаю: всё, что мы строили, разбивается о её беззаботную улыбку и его взгляд, в котором меня больше нет.

Глава 1

Сегодня выдался прекрасный солнечный вечер, и мы с дочерью отправились гулять в парк. Пока Рома, как обычно, задерживался на работе, я решила не сидеть дома, а выбраться подышать свежим воздухом и немного развеяться. После целого дня, проведенного с ребенком, домашних дел и бесконечных мелочей, я почувствовала усталость – ту самую, тихую, накапливающуюся от однообразия дней.

Сейчас я в декрете: веду быт, жду мужа с работы и почти все свое время посвящаю Алёнке. Иногда это начинает давить, но я стараюсь не унывать. Я знаю, что совсем скоро она пойдет в садик. Мы планировали это раньше, но болезнь внесла свои коррективы – аденоиды, аллергия, бесконечные походы по врачам. В итоге мне пришлось задержаться дома дольше, чем я ожидала.

К счастью, подруга очень меня поддержала и показала, что можно работать, не выходя из дома. Сейчас я постепенно учусь и пробую себя в рекламе в социальных сетях. И, честно говоря, мне это нравится. Я всегда хорошо справлялась с работой, и это чувство нужности и развития мне очень близко.

Официально я все еще работаю в фирме мужа, а также занимаюсь рекламой его проектов в сфере недвижимости. Но пока я в декрете, Рома взял на мою должность другую де-

вушку. Я хотела работать удаленно, но он счел это слишком ответственным и сказал, что сейчас мне важнее уделять время дочери. По его мнению, мужчина в семье должен обеспечивать, а женщина – заниматься домом и детьми.

Я была с ним не согласна, но со временем приняла эту ситуацию. Всё-таки декрет – это тоже работа, и я имею право немного побыть дома. А потом… потом я обязательно выйду на работу и верну себе привычный ритм жизни.

— Алёнушка, а ну-ка становись, я сделаю пару кадров, папу порадуем!

Весна – по-настоящему прекрасное время года. На улице все начинает цвести, воздух наполняется свежестью, люди снимают тяжелую одежду и обувь и будто бы становятся легче – идут быстрее, улыбаются чаще, словно порхают. Я тоже невольно перенимаю этот настрой и ловлю себя на хорошем настроении без видимой причины.

Сегодняшний день прошел удивительно легко. С самого утра я успела так много, что сама от себя этого не ожидала. Сделала рекламный заказ для девушки и ее изделий из шоколада, убрала весь дом, удобрила цветы и даже приготовила ужин заранее – чтобы потом спокойно пойти гулять с Алёнкой, не думая о бытовых мелочах. Я знаю, что Рома приедет домой, и все уже будет готово.

Он часто называет меня идеальной женой, и каждый раз мне приятно это слышать. Хотя, если честно, идеальной я себя не считаю. Бывают дни, когда я весь день мечусь между

делами и в итоге ничего не успеваю. Особенно тяжело, когда дочь болеет или капризничает.

Алёнке скоро три года, и сейчас у нее непростой период – она хочет делать все сама, стремится к самостоятельности, но не всегда у нее получается так, как она задумала. Тогда она злится, расстраивается и плачет, а я учусь быть терпеливой, объяснять, поддерживать и напоминать себе, что это всего лишь этап, который обязательно пройдет.

Алёнка встает возле цветущих деревьев и улыбается милой улыбкой. Ее легкое розовое платье с накидкой и белые ботиночки так красиво смотрятся на ней, что во мне это не может не вызвать эмоций.

— Папе отправлю! Он будет в восторге! – улыбаюсь я и пишу сообщение Роме.

«От нас с малышкой тебе привет, ждем к ужину. Мы пока в парке».

Но не успеваю я отправить сообщение, как получаю от него ответное.

«Надя, буду поздно. Поужинаю на бегу. Не жди сегодня, ложитесь спать. У меня на работе как всегда завал».

— Мам, папа скоро? Я хочу с папой гулять! – говорит Алёна, и я чувствую, как к горлу подступает тяжелый, густой ком.

Ведь он уже почти месяц постоянно задерживается на работе. А иногда вообще приходит глубокой ночью. Я понимаю его загруженность – я не из тех, кто будет пилить и устраи-

вать сцены. Но с каждым днем обида все сильнее цепляется внутри, не давая мне расслабиться и выдохнуть. Я смахиваю сообщение в телефоне и так и не решаюсь отправить фотографии с нашей прогулки.

— Не скоро, – отвечаю дочери, и сама не узнаю свой голос. Он звучит глухо и чуждо.

— Милая, а ты не хочешь сходить в кафе? – вдруг меняюсь, понимая, что не стоит показывать свое недовольство при ней. – Покушаем чего-нибудь вкусного?

Возвращаться в тихий, слишком просторный дом мне совсем не хочется. Иногда мне начинает казаться, что я живу в нем одна – только с дочерью. Я готовлю, убираюсь, провожу в этих стенах целые дни. А Рому вижу все чаще лишь по выходным… и то не всегда – даже выходные он нередко проводит вне дома.

И сейчас ехать обратно и ужинать тем, что я приготовила для всех нас, мне совершенно не хочется. Слишком больно сидеть за столом, рассчитанным на троих, когда нас снова только двое. Лучше мы поедем и немного развеемся – раз уж Рома в очередной вечер не приедет к ужину.

— Хочу! Хочу! – радостно закричала дочь, и я тут же подхватила ее настроение. В самом деле, зачем расстраиваться, если можно весело провести время даже вдвоем с малышкой.

Я быстро посмотрела карту и выбрала кафе с детским меню, которое находилось ближе всего. Мы сели в машину

и поехали. По дороге я включила любимую песню Алёнки, и она весело подпевала, раскачиваясь на сиденье и смеясь. На несколько минут я снова почувствовала легкость, словно тревога отступила.

Но стоило мне начать парковаться у входа в кафе, как сердце неприятно сжалось. Возле входа стояла машина Ромы.

Меня словно окатило холодной водой.

Он же должен быть на работе… Что он здесь делает?

Мысли остро кольнули в груди, одна за другой, не давая времени на вдох.

— Мам! Мам! Папа! Папа приехал! – радостно закричала дочь, показывая пальчиком на знакомый Ромин внедорожник.

А мне почему-то стало совсем не радостно. Легкость исчезла мгновенно, будто ее и не было. В голове начали всплывать мысли, от которых внутри все сжималось, и хорошее настроение рассыпалось, не оставив после себя ничего, кроме тревожного ожидания.

Глава 2

— Мам, папа тоже с нами кушать будет? — радостно визжит Аленка на заднем сиденье, вытягивая шею, чтобы получше разглядеть парковку у кафе.

— Не знаю Ален, не знаю милая… — лишь выдавливаю я и достаю мобильный чтобы позвонить мужу.

Какой-то липкий страх окутывает всё тело. Тревога заполняет каждую клеточку, будто предупреждение, которое я отчаянно не хочу слышать.

О чем я думаю? Наверняка Рома приехал поужинать в это кафе с приятелем по работе. И наверняка я себе просто накручиваю… Мысли о том что Рома может быть там с любовницей, не дают мне покоя. Но я их быстро отбрасываю. Ведь этого и быть не может. Рома любит меня и Аленку и он просто не может меня так предать. Это просто не про нас, не про нашу семью.

Мы познакомились шесть лет назад на дне рождении мужа моей подруги Светки. Честно говоря, идти туда я совсем не хотела. Тогда прошло всего несколько месяцев после смерти папы, и мир казался каким-то чужим и пустым. Я улыбалась людям автоматически, по привычке, но внутри будто всё выгорело.

Светка буквально вытянула меня из дома.

— Тебе нужно развеяться, — сказала она тогда. — Просто

посидишь, поешь, уйдёшь, если станет тяжело.

Я пришла без настроения, в простом платье, с собранными в хвост волосами, и мечтала только о том, чтобы вечер быстрее закончился.

И вот тогда ко мне подошёл Рома.

— Привет, я Рома, — сказал он так спокойно и уверенно, будто мы уже были знакомы.

Он не был навязчивым, не пытался произвести впечатление. Просто сел рядом и начал разговаривать — о работе, о музыке, о путешествиях, о каких-то смешных мелочах. И почему-то с ним было легко. Он не задавал лишних вопросов про отца, не жалел меня, не смотрел сочувственно. Он просто слушал.

Весь вечер он почти не отходил от меня. Мы смеялись, спорили о фильмах, вспоминали глупые школьные истории. И в какой-то момент я поймала себя на том, что впервые за долгое время смеюсь по-настоящему.

После этого вечера он написал мне уже на следующий день.

«Ты обещала рассказать, какой у тебя самый любимый вкус мороженого. Предлагаю проверить на практике».

Я улыбнулась экрану телефона и согласилась, даже не раздумывая.

Наше первое свидание было таким простым — маленькое кафе, пластиковые ложечки, холодное мороженое и тёплый летний вечер. Но именно в этой простоте было что-то насто-

ящее. Мы говорили обо всём подряд, будто знали друг друга много лет. Никакой неловкости, никаких пауз.

Я тогда как раз осталась без работы. Уволилась из компании, где начальница могла урезать зарплату «за плохое настроение» или придумать штраф за опоздание на три минуты. Я чувствовала себя потерянной — без опоры, без понимания, куда двигаться дальше.

Рома слушал внимательно, а потом осторожно сказал:

— У нас как раз освобождается место. Мне нужен человек, которому я могу доверять. Хочешь попробовать?

Я сначала растерялась. Боялась смешивать личное и работу. Но он не давил, просто предложил шанс.

Так я оказалась в его компании.

Работать с ним было легко — он уважал моё мнение, поддерживал, учил, если я чего-то не знала. Постепенно работа переросла в общее дело, а наши отношения — в нечто большее, чем просто влюблённость.

Через год он сделал мне предложение. Без пафоса, без толпы людей — просто дома, на кухне, где мы готовили пасту и смеялись над тем, что опять пересолили соус.

Тогда я была уверена: этот человек — моя судьба. Моя опора. Мой дом.

И я даже представить не могла, что когда-нибудь буду сидеть в машине напротив кафе, сжимая телефон в дрожащих руках, и сомневаться в нём.

Длинные гудки заставляли мое сердце биться еще чаще.

Голова закружилась, в груди что-то неприятно защемило. Он не возьмет трубку, крутилось в голове. Ведь он недавно мне писал что на работе, что приедет как обычно поздно. Предупредил чтобы не ждали.

И что самое странное. Это кафе находилось совсем в другой стороне города. Не по пути от офиса. Не по дороге к нашему дому. Даже случайно сюда не заедешь — нужно целенаправленно свернуть и проехать лишние километры через пробки. А Москва — не маленький город. Здесь тысячи ресторанов, сотни уютных мест ближе и удобнее.

Почему именно это?

Почему так далеко от всего, что связывает его с привычной жизнью? С нами.

Мы с Аленкой бывали здесь всего пару раз — случайно, когда заезжали в торговый центр неподалёку. Рома никогда не проявлял к этому месту особого интереса. Говорил, что кухня «обычная», ничего особенного. И всё же его машина стоит именно здесь.

Я чувствую, как тревога перерастает во что-то более тяжёлое — в подозрение, которое я изо всех сил пытаюсь не впустить в себя полностью.

— Надя? Что-то случилось? — вдруг раздался его голос в трубке, и я замерла.

Я совсем не ожидала, что он ответит. Уже почти убедила себя, что не возьмёт.

— Рома? Ты… ты где? — переспросила я, словно не рас-

слышала, словно надеялась, что сейчас он скажет что-то другое.

Пауза. Короткая, едва уловимая. Но я её почувствовала.

— Я же сказал, Надь, на работе. Задержусь. Ложитесь спать без меня. Поцелуй за меня Аленку. Завтра возьму выходной. Может, сходим куда-нибудь? Посидим где-нибудь? Давно не выбирались… — его голос звучал ровно, даже мягко.

От этих слов внутри что-то болезненно сжалось. Он никогда не предлагал «просто так» взять выходной. У него всегда планы, встречи, дедлайны. А тут — вдруг.

Я медленно перевела взгляд на парковку.

Чёрный силуэт машины стоял под фонарём. Родной до каждой царапины на бампере. Я знала её лучше, чем свою — знала, как блестит левое зеркало после мойки, как чуть заметно поцарапан диск на заднем колесе. Это была машина Ромы и значит он был в этом кафе.

Глава 3

— Точно на работе? — тихо спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Ну конечно. А где ещё? — он даже усмехнулся. — Ты чего?

В висках застучало. Мир будто стал глуше, звуки — отдалённее.

Я знала, как он относился к своей машине. Он никому её не доверял. Ни друзьям, ни коллегам. Даже мне не давал за руль, всегда отшучивался: «Это моя вторая любовь, прости». И в этих словах всегда была доля правды.

Значит, он здесь.

И если он здесь — то не на работе.

Я смотрю на вход в кафе и чувствую, как поднимается волна то ли злости, то ли отчаяния. Хочется выйти, распахнуть двери, увидеть всё своими глазами. Чтобы либо окончательно разрушиться… либо посмеяться над собственной паранойей.

— Ладно, — тихо говорю я в трубку. — Работай.

— Всё нормально, Надь? Ты странная какая-то, — настораживается он.

— Всё хорошо, — отвечаю автоматически.

Но в этот момент я понимаю: ничего уже не хорошо. И что бы ни происходило сейчас за стеной этого кафе, прежней

наивной уверенности во мне больше нет.

— А вы дома? Уже поужинали? — вдруг спрашивает он.

Я отвечаю не сразу. Всё это время я пытаюсь уловить хоть что-нибудь в трубке — посторонние голоса, музыку, шум улицы, звон посуды. Что угодно, что выбивалось бы из привычной картины. Но в динамике — только его ровное дыхание и приглушённая тишина. Такая же, как всегда.

Он не первый раз задерживается на работе. Я привыкла. Иногда даже не жду — усталость берёт своё, укладываю Алёнку, ложусь сама и засыпаю, не всегда услышав, как он возвращается. И мне никогда не приходило в голову, что муж может мне врать. Зачем? У нас обычная жизнь, обычные заботы, обычные разговоры по вечерам.

— Дома, — наконец отвечаю я. — Поужинали.

— Молодцы, — мягко говорит он. — Я тогда что-нибудь перехвачу по дороге. Не ждите меня, правда. Отдыхайте.

Слишком заботливо. Слишком спокойно.

— Хорошо, — отвечаю и кладу трубку.

Внутри продолжает холодеть. Я смотрю на вход в кафе, на пары, которые заходят туда вместе — смеются, держатся рядом, что-то обсуждают. И где-то глубоко появляется неприятное чувство — тихая, тянущая обида.

Наверное, только сейчас я по-настоящему начинаю осознавать, насколько мы с Ромой отдалились за последнее время. Сегодня его предложение куда-то сходить завтра я почему-то восприняла почти как нечто непривычное. Будто

это что-то редкое, необычное. А ведь раньше это было естественно — просто взять и выбраться куда-то вдвоём или всей семьёй, без повода, без спешки.

Мы действительно давно никуда не ходили просто так — чтобы сидеть, разговаривать, смотреть друг другу в глаза, никуда не торопиться. Рома приходит поздно, уставший, выжатый работой. Я понимаю его, правда понимаю. И поэтому молчу, не настаиваю, не прошу лишнего.

Но иногда так хочется лёгкости. Хочется выйти всем вместе, сменить обстановку, почувствовать, что мы не только родители и не только люди, занятые обязанностями, а всё ещё пара. Что между нами есть не только быт, но и живое тепло.

Возможно, такие простые выходы пошли бы на пользу нашим отношениям. Возможно, нам обоим это нужно больше, чем мы готовы признать. Иногда кажется, что мы просто закрутились в делах и усталости и забыли, как это — быть рядом не по необходимости, а по желанию.

И от этой мысли становится немного больно… но вместе с тем появляется тихая надежда, что всё можно вернуть — если начать хотя бы с одного совместного вечера.

— Мама! — отрывает меня детский голос от мыслей. Я тут же поворачиваюсь к дочери и улыбаюсь своей привычной улыбкой. — Кушать в кафе! — говорит она, а я со страхом смотрю на эту дверь входа в кафе и понимаю что сейчас может быть все что угодно.

На каком-то подсознательном уровне мне хочется просто завести машину и уехать отсюда. Резко, не оглядываясь. Сделать вид, что я ничего не видела. Стереть эту минуту из памяти. Убедить себя, что мне показалось.

Что Рома действительно сейчас на работе.

Что вечером всё будет как обычно — он тихо зайдёт, аккуратно ляжет рядом, поцелует меня в щёку. Я проснусь среди ночи, притянусь к нему, залезу под одеяло ближе, почувствую его тепло и успокоюсь.

Как будто ничего не происходит.

Но мне не показалось. Его машина стоит здесь, у кафе. Я вижу её. Это факт.

А по телефону он сказал, что на работе. Спокойно. Обычным голосом.

Значит, уже соврал.

И самое болезненное даже не то, где он сейчас. А то, что он соврал.

Если скрывать нечего — зачем тогда ложь?

Зачем эта ненужная деталь, которая всё рушит?

Внутри поднимается тревога. Не истерика — именно тревога. Как будто рушится не просто доверие, а ощущение безопасности. То, на чём всё держится.

Я не знаю, что страшнее — правда, которую я могу сейчас узнать, или то, что уже начала подозревать. Потому что иногда воображение дорисовывает хуже любой реальности.

И в голове крутится один и тот же вопрос:

когда между нами появилась эта дистанция?

Когда стало проще сказать «я на работе», чем просто сказать правду?

Я сижу и понимаю — уехать сейчас значит сохранить иллюзию. Остаться — значит столкнуться с тем, что может изменить всё. И я ещё не знаю, готова ли я к этому.

— Идём, идём, родная… Конечно, мы идём кушать. Я же обещала, — говорю спокойно, стараясь, чтобы в голосе не дрогнула ни одна нота.

В машине душно. Воздух будто густой, тяжёлый. Я делаю вдох, но легче не становится.

Сознание упрямо твердит: нужно зайти в кафе. Это, наверное, просто совпадение. Случайность. Мир не рушится из-за одной припаркованной машины.

Может быть, Рома действительно дал кому-то свою машину. Почему нет?

А может, он просто заехал поужинать и не сказал мне, чтобы не расстраивать. Ведь мы и правда давно никуда не выбирались. Может, он не хотел, чтобы я подумала, будто ему без нас хорошо.

Или…

А вдруг это сюрприз?

Мы же скоро отмечаем годовщину. Точно. Как я сразу не подумала? Он ведь сегодня сам предложил куда-то сходить. Это было так неожиданно… Может быть, он выбирает место? Смотрит меню? Хочет пригласить меня сюда завтра —

только нас двоих.

От этой мысли внутри что-то мягко оттаивает. Тревога чуть отступает, уступая место осторожной надежде. Я цепляюсь за неё, как за спасательный круг. Потому что верить в хорошее легче, чем готовиться к боли.

— Ну вот видишь, — тихо шепчу сама себе, — всё объяснимо.

Настроение меняется — становится уже не таким колючим, не таким тревожным. Я словно разрешаю себе выдохнуть.

Открываю дверь и выхожу из машины. Вечерний воздух прохладнее, чем внутри, и я глубоко вдыхаю его, будто хочу окончательно прогнать сомнения. Обхожу машину и иду к заднему сиденью, аккуратно открываю дверь, наклоняюсь к автокреслу.

— Сейчас, малышка, сейчас… — шепчу, отстёгивая ремни.

Дочь смотрит на меня широко раскрытыми глазами — спокойно, доверчиво, будто весь её мир сейчас сосредоточен во мне. Я сжимаю её маленькую ладошку, и мы медленно направляемся к входу в кафе.

«Розмарин».

Раньше это название казалось мне уютным, тёплым, даже романтичным. Сейчас же в нём слышится что-то колкое, почти насмешливое.

Если Рома действительно готовит сюрприз… я могу всё

испортить. Разрушить момент, который он, возможно, продумывал заранее.

Может, он хотел, чтобы завтра я удивилась, чтобы улыбнулась, чтобы снова поверила в нас.

Но уехать я не смогла.

Не смогла сделать вид, что ничего не увидела.

Я доверяю мужу. Доверяю?

Мысль повисает внутри тяжёлым эхом. Если доверяю — зачем тогда иду сюда? Зачем сердце колотится так, будто я иду не в кафе, а на приговор?

Дверь мягко открывается, и нас окутывает тёплый свет. Внутри уютно, негромко играет музыка. Люди разговаривают, смеются. Всё так обычно. Слишком обычно для катастрофы.

— Добрый вечер, — к нам сразу подходит молодой официант. Мужчина в бело-сером, идеально выглаженном костюме. Вежливая улыбка, спокойный взгляд. — Вам столик на двоих?

Он предлагает выбрать место — у окна, в глубине зала, на веранде. Я почти не слышу его. Мой взгляд скользит по залу, цепляется за лица, силуэты, руки, бокалы.

Я ищу Рому.

Сердце бьётся где-то в висках. В ушах нарастает гул. Всё вокруг начинает терять чёткость, кроме одной цели — найти его.

И я нахожу.

Сначала — знакомый профиль.

Потом — его руки, улыбка.

Не та сдержанная, усталая, к которой я привыкла в последнее время. Другая. Лёгкая. Живая.

Он сидит за столиком у окна в одиночестве, и я уже свободно выдыхаю. Но потом вглядываюсь, внимательно. Уже хочу пойти к нему, махнуть рукой чтобы показать что мы здесь, но торможу. На столе стоит бокал, и не один… Тревога нервно окутывает все мое тело. Кого он ждет? Тут же вопрос за вопросом взрывает мне голову.

— Девушка? Так что, где пожелаете сесть? — продолжает официант странно разглядывая меня с дочерью, ведь я просто молчу, стою и не двигаюсь.

И тут происходит то чего я так боялась. К нему подходит девушка. Знакомая мне девушка. Маргарита Андреевна, та самая которая временно заменяет мою должность у Ромы на работе. Она улыбается и присаживается рядом с Ромой.

Тёмные волосы, наклонённая к нему голова, её пальцы лежат слишком близко к его ладони.

В этот момент внутри будто что-то обрывается.

Тихо. Без крика.

Мир продолжает существовать: звенят приборы, кто-то смеётся, официант всё ещё что-то говорит рядом со мной.

А я просто стою и смотрю.

И понимаю — никакого сюрприза не было.

Маргарита смеётся. Громко. Звонко. Так, что её смех пе-

рекрывает музыку и разговоры вокруг. Он режет слух, как стекло.

Рома наклоняется к ней — медленно, почти интимно. Его рука поднимается, и он осторожно, с той самой знакомой нежностью, которой когда-то касался меня, поправляет ей прядь волос. Пальцы задерживаются дольше, чем нужно.

Он что-то шепчет ей на ухо. Так близко, совсем нежно.

И даже на расстоянии я чувствую это. Чувствую кожей, как будто это не её волосы он убирает с лица, а мои. Не ей шепчет — а мне когда-то.

Грудь сжимает. Воздуха вдруг становится катастрофически мало.

— Мама, там папа! И тётя… — голос Аленки звучит слишком громко в этой ватной тишине.

Она тянет меня за руку и радостно машет в их сторону.

— Идём?

Её глаза светятся искренностью. Она ничего не понимает. Для неё папа — это папа. А тётя — просто тётя.

Я смотрю на дочь и чувствую, как внутри сталкиваются две силы:

желание развернуться и убежать —

и желание подойти.

Подойти и посмотреть ему в глаза.

Проверить — дрогнет ли он. Испугается ли. Или останется таким же спокойным, как сейчас, когда склоняется к другой женщине.

Глава 4

— Что-то не так? — официант вновь обращается ко мне, а я продолжаю стоять, будто приросла к полу, и медленно обтекать от стыда за собственного мужа.

Он нас не видит.

Он вообще ничего вокруг не видит.

Он смотрит на неё — жадно, открыто, не скрываясь. Горящие глаза, приоткрытый рот, тот самый взгляд, который невозможно перепутать ни с деловым, ни с дружеским.

И в этот момент я замечаю её декольте. Глубокое, подчёркнутое, нарочито притягательное. И его взгляд — скользящий, задерживающийся, возвращающийся туда снова.

Не в глаза.

Не в лицо.

Туда.

Щёки заливает жаром. Мне кажется, что это я стою здесь полураздетая. Что это на меня смотрят так — оценивающе, голодно.

Он ведь когда-то так смотрел на меня.

После родов я долго не могла вернуть форму. Комплексы, усталость, бессонные ночи. Он говорил, что я красивая. Гладил по волосам. Улыбался.

Но так — не смотрел.

Я замечаю, как она чуть наклоняется вперёд, будто слу-

чайно. Как её пальцы касаются его запястья. Как он не отдёргивает руку.

Ни неловкости, ни дистанции, ни стыда. И это бьёт больнее всего. Он не просто сидит с другой женщиной. Он хочет её.

— Девушка? — официант осторожно возвращает меня в реальность.

Я моргаю.

— Все, — тихо шепчу, — Все не так. Простите… — в эту же секунду хватаю дочь за руку и развернувшись на все сто восемьдесят градусов бросаюсь на выход.

Я выхожу на улицу, воздух кажется холоднее, чем был минуту назад. Весна исчезла. Словно кто-то выключил свет.

— Мама, а кушать? — спрашивает удивлённая моим резким поворотом Алёнка, едва поспевая за мной. Я крепко держу её за руку, будто боюсь потерять — или будто это она удерживает меня от падения.

Как объяснить ребёнку, что сегодня мы точно не будем есть в этом кафе?

Что папа сейчас занят. Только не работой.

— Покушаем дома, милая, — шепчу я, не останавливаясь и стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Почему? Хочу к папе! — не сдаётся она.

Я чувствую, как внутри всё сжимается. Не могу поверить в то, что только что увидела. Его взгляд. Его улыбку. Его руки на столе — слишком близко к её рукам.

— Потом пойдём к папе, милая… — произношу я, сама не зная, правда ли это.

— А кафе?

Я останавливаюсь на секунду у машины, наклоняюсь к дочери и стараюсь улыбнуться. Получается слабо, но она, к счастью, не замечает.

— Кафе мы устроим себе дома! — говорю я чуть бодрее. — Закажем пиццу… или сделаем блинчики. С шоколадом. Как в настоящем ресторане.

— И мороженое? — её глаза сразу загораются.

— И мороженое, — киваю я.

Она довольно улыбается, и её мир снова становится простым и понятным. А мой — рассыпается на осколки.

Я усаживаю её в кресло, пристёгиваю, закрываю дверцу. И только оказавшись одна за рулём, позволяю себе на секунду закрыть глаза.

Передо мной снова всплывает эта картина. Он смотрит на неё так, как давно не смотрел на меня. С интересом. С живостью. С тем внутренним огнём.

Может, он и правда уставал.

Просто не дома.

Я завожу машину. Руки немного дрожат, но я заставляю себя сосредоточиться на дороге.

— Мам, а папа будет кушать без нас? — вдруг спрашивает Алёнка с заднего сиденья.

Этот вопрос бьёт точнее любого удара.

— Папа… папа сегодня занят, — отвечаю я тихо.

Мой муж мне врал, страхи подтвердились. Пока я доверяла и ждала дома, он, он был с другой. И теперь я понимаю почему он так не хотел моего возвращения на работу.

Я ведь хотела выйти раньше, отдав Аленку в ясли. Но он упрямо твердил что мне это не нужно. Что я должна быть с ребенком дома и это моя обязанность. Только вот его работой была эта женщина. Сколько это продолжается? Ведь он давно взял её к себе на работу. Сколько из меня делают дуру?

Сажусь за руль, но не могу сразу завести машину. Руки дрожат. В голове только одна картина — его лицо. Живое. Заинтересованное. Влюблённое.

По пути к дому мои мысли переплетаются, наслаиваются одна на другую, будто кто-то включил слишком много голосов сразу. Ни один не звучит отчётливо, но каждый тянет в свою сторону.

Что мне делать?

Он сегодня вернётся домой. Откроет дверь своим ключом. Поставит обувь на коврик. Спросит, как прошёл день. Может быть, даже поцелует меня в щёку.

И что я скажу?

«Как ужин?»

«Вкусный был салат?»

«Она тоже любит пасту?»

Я сжимаю руль крепче.

Как я посмотрю в глаза предателю?

Как смогу спокойно стоять рядом, зная, что его руки только что касались другой?

Как вообще дальше жить и верить людям, если самый близкий человек оказался способен на это?

Господи… что я такое несу.

У меня есть самое ценное — моя дочь.

Моя Алёнка.

Её смех. Её ладошка в моей руке. Её доверие.

Я должна жить ради неё. Ради её спокойствия. Ради её детства без скандалов и криков. Я не имею права разрушиться.

Но как же хочется закрыться. Захлопнуть дверь, выключить телефон, спрятаться под одеялом и сделать вид, что ничего не существует. Ни его. Ни этой женщины. Ни этой боли.

Хочется исчезнуть хотя бы на день. Перестать быть женой. Перестать быть сильной. Но этот вариант я не хочу даже рассматривать.

Потому что если я сейчас сломаюсь — он этого даже не заметит. Он будет жить дальше. С работой. С ней. Со своими оправданиями.

А я? Я останусь в роли обманутой, тихо страдающей жены.

Нет.

Машина сворачивает во двор. Я глушу двигатель и несколько секунд сижу в тишине.

Боль никуда не делась. Она внутри — тяжёлая, вязкая. Но под ней медленно появляется что-то другое.

Осознание.

Я видела правду своими глазами.

И теперь выбор — за мной.

Скандалить?

Молчать?

Играть в слепую?

Я выдыхаю и поворачиваюсь к дочери.

- Приехали, солнышко.

Она улыбается, отстёгивается, болтает ногами. Для неё всё по-прежнему.

И вдруг я понимаю: моя жизнь не закончилась. Она просто изменилась.

Сегодня я посмотрю ему в глаза.

И если он соврёт — это будет уже не его ложь.

Это будет его выбор. А мой выбор — больше не быть наивной и чаще снимать те самые розовые очки. Ведь отдалились мы точно не из-за его работы и усталости. А из-за другой женщины. Хоть и говорят что в измене виноваты оба. Я ни чуть это не отрицаю. Возможно я слишком стала для него обыденной, ушла страсть и ему стало скучно. Но почему нельзя просто прийти и сказать что ты устал и хочешь уйти ? Зачем нагло врать в лицо и ложиться в одну постель когда у тебя есть другая?

Мы с дочерью зашли домой и, едва закрыв за собой дверь, словно отгородились от всего остального мира. Я помогла Алёнке переодеться, вымыла ей руки, а потом мы, как и лю-

били, устроились на диване под тёплым пледом. Тем самым — мягким, с забавными звёздочками, который всегда делал наши вечера особенно уютными.

— Ну что, выбираем? — стараясь говорить бодро, спросила я.

Алёнка с серьёзным видом кивнула. Мы открыли приложение доставки и стали выбирать те самые вкусности, которые я ей обещала. А если обещала — значит должна выполнить. Несмотря ни на что. Даже если внутри всё сжимается от боли.

Ради неё я сейчас буду сильнее, чем чувствую себя на самом деле.

Еду из ресторана привезли быстро — что было мне на руку, потому что Алёнка уже настроилась на «настоящее кафе». Курьер позвонил в дверь, и дочка с восторгом побежала со мной встречать пакеты, будто это был главный праздник недели.

Мы расставили всё на столике: аккуратные коробочки, яркие десерты, сок с трубочкой. Алёнка сама выбрала себе тарелку и торжественно объявила:

— Наш ресторан открыт!

Я даже рассмеялась — впервые за вечер искренне.

Мы уселись перед телевизором, включили интересный мультфильм и, укутавшись в плед, принялись за ужин. Алёнка болтала без умолку.

Я слушала её и кивала, иногда задавала вопросы, под-

держивала разговор. И постепенно этот простой, домашний шум — её смех, шелест упаковок, звук мультфильма — начал вытеснять из головы картину из кафе.

Хотя полностью вытеснить не смог.

Иногда мысль всё равно возвращалась — резкая, колючая. Но я отталкивала её. Не сейчас. Этот вечер — для неё.

Когда время стало подбираться к ночи, Алёнка всё чаще зевала и тёрла свои голубые глазки маленькими кулачками. Мультфильм уже шёл фоном, а она всё больше прижималась ко мне, становясь тяжёлой и сонной.

- Кто-то устал, — тихо улыбнулась я.

Она отрицательно покачала головой, но тут же снова зевнула.

Мы выключили телевизор и пошли в её комнату. Там всё было как всегда — аккуратно разложенные книги, мягкий ковёр, рисунки на стене. Этот маленький мир казался таким защищённым.

— Кого сегодня берём спать? — спросила я.

Алёнка задумалась, потом выбрала своего любимого плюшевого зайца и маленького медвежонка. Без них она никогда не засыпала.

Я включила ночник с проекцией звёздного неба. Потолок наполнился мягким голубоватым светом, по стенам поплыли маленькие созвездия. Комната сразу стала похожа на сказку.

Мы улеглись, я укрыла её одеялом, присела рядом на край кровати и начала рассказывать сказку — ту, которую приду-

мала сама.

Про маленькую звёздочку, которая боялась темноты, но всё равно светила ярче всех, потому что знала: где-то внизу есть девочка, которой нужен её свет.

Алёнка слушала сначала внимательно, потом всё тише дышала, всё медленнее моргала. Её пальчики постепенно разжались, дыхание стало ровным.

Она уснула.

Я ещё несколько секунд сидела рядом, всматриваясь в её спокойное лицо. В этом сне не было ни предательства, ни боли — только чистота и доверие.

Я наклонилась и поцеловала её в мягкую щёчку.

— Я всегда буду твоей звёздочкой, — прошептала едва слышно.

Тихо вышла из комнаты, прикрыла дверь, оставив полоску мягкого света из коридора.

Дом погрузился в тишину.

И только теперь, когда никто не смотрел и не нуждался в моей силе, я позволила плечам опуститься. Напряжение, которое держало меня весь вечер, стало ощущаться сильнее.

Я прошла в ванную, закрыла за собой дверь и включила душ.

Горячая вода стекала по коже, смывая запах улицы, ресторана, чужого вечера. Я прислонилась лбом к прохладной плитке и закрыла глаза.

И вот тут, в шуме воды, я впервые за день позволила себе

не быть сильной.

Слёзы хлынули из глаз так, будто сдерживались всё это время и наконец нашли выход.

Слёзы постепенно стихли. Осталась только усталость и какая-то странная пустота — но уже не такая острая. Я глубоко вдохнула, позволяя горячему пару наполнить лёгкие, и медленно выдохнула.

Жизнь не заканчивается в один вечер.

Боль — не навсегда. Я вытерла лицо, выключила воду и посмотрела на себя в зеркало. Глаза покрасневшие, но в них появилось что-то новое — решимость.

Что бы ни произошло дальше, я справлюсь.

Ради неё. И ради себя тоже.

Я не стала ложиться спать, а решила дождаться Рому. Хотя понимала — сна сегодня всё равно не будет.

В гостиной было тихо. Часы на стене отсчитывали секунды слишком громко, будто нарочно напоминая, что назад уже ничего не вернуть. Я села за стол, налила себе чёрный кофе — тот самый, который мы раньше любили пить вдвоём поздними вечерами. Горький, крепкий, без сахара. Раньше он казался уютом. Теперь — только воспоминанием.

Я зажгла свечи. Мягкий огонь чуть смягчил холод комнаты, добавил иллюзию спокойствия. Хотелось, чтобы разговор прошёл без крика. Без истерик. По-взрослому.

Время тянулось медленно. Я смотрела на огонёк свечи, как он слегка колышется от каждого моего вздоха. В голо-

ве прокручивались фразы — одни слишком резкие, другие слишком мягкие. Я не хотела скандала. Я хотела правды.

Ровно в половине первого ночи раздался тихий звук ключа в дверном замке.

Сердце всё равно дрогнуло. Шаги в прихожей. Щелчок выключателя. Шуршание верхней одежды.

Я подняла глаза и поняла — эта ночь будет решающей. Семьи уже нет, но я хочу послушать его версию… Уж так хочется взглянуть в эти глаза, того который еще вчера целовал перед сном внушая доверия…

Глава 5

Сделав глоток кофе, я невольно скривилась. Он уже остыл и сегодня казался особенно терпким, почти горьким — как мои мысли. Я надела самое красивое платье. Его любимое. «Тебе так идёт», — когда-то говорил Рома, задерживая взгляд чуть дольше обычного.

Сегодня мне хотелось проверить: осталось ли в его глазах хоть что-то? Хоть отблеск прежнего тепла? Или там окончательно поселилась эта пустота, это холодное безразличие, которое я всё чаще замечаю в последнее время.

Когда исчезла та страсть? Та нежность? Та лёгкая, почти мальчишеская влюблённость, с которой он раньше смотрел на меня? Когда он в последний раз касался меня не по привычке, а с желанием? Когда говорил комплименты — не мимоходом, а искренне, с огнём в глазах?

Сегодня он смотрел на ту девицу именно так. С интересом. С живым блеском. С тем самым взглядом, который когда-то принадлежал только мне.

Я ведь старалась. Правда старалась. Совмещала быт, декрет и попытки не потерять себя. Домашние тренировки по ночам, правильное питание, когда сил не оставалось даже на сон. Я похудела после родов. Вернула форму. Почти вернула уверенность.

Я встречала его с работы в чистой одежде. Даже когда бы-

ла измотана с Алёнкой, когда засыпала стоя, пропахшая детскими пюрешками и кашей, я всё равно находила силы переодеться, умыться, привести себя в порядок перед тем, как он откроет дверь.

Да, я не ходила по квартире в платьях и на каблуках. Не устраивала показов мод между плитой и кроваткой. Но я никогда не позволяла себе окончательно раствориться в пелёнках и бессонных ночах. Я боялась стать «просто матерью», перестать быть женщиной. Его женщиной.

И всё равно что-то ускользнуло.

Может быть, дело не во мне? Может быть, любовь не исчезает внезапно — она просто медленно выцветает, как ткань на солнце? И однажды ты замечаешь, что ярких красок больше нет, а осталась только привычка.

Я посмотрела на своё отражение в зеркале. Макияж лёгкий, почти невидимый. Всё аккуратно. Всё правильно. Всё как он любил.

— Надя? Ты почему еще не спишь? — Рома прошел на кухню и включив свет увидел меня растерялся. Его взгляд осторожно прошелся по зажженным свечам и моему образу. То что он был удивлен ничего не сказать, он даже будто немного испугался.

Я взглянула на него внимательно, но уже слишком отстранённо. Передо мной стоял не мой муж — передо мной стоял предатель, который продолжал врать мне прямо в лицо, зачем-то возвращаясь домой после другой женщины.

Да, на секунду во мне мелькнула предательская мысль: а вдруг между ними ничего не было? Вдруг всё ограничилось флиртом, взглядами, случайными — или неслучайными — касаниями? Может быть, до постели ещё не дошло…

Но какая теперь разница?

Разве суть только в постели? Мне хватило его лжи. Хватило того, как он смотрел на неё. Хватило того, как позволил себе касаться. Хватило того, что он выбрал не меня — хотя бы на мгновение.

Я не стану выяснять подробности. Не стану держать свечку, не стану проверять телефон, не стану вымаливать правду по кусочкам. Любовь не должна превращаться в расследование.

Мой человек никогда бы так со мной не поступил. Никогда бы не заставил меня сомневаться в нём. Никогда бы не поставил меня в положение, где я чувствую себя обманутой и лишней.

— Не спится, — тихо произношу я.

Снова ловлю его взгляд — и замечаю то, чего раньше никогда не видела. Страх. Он мелькает быстро, почти незаметно, но я успеваю его поймать. Рома будто боится задержать глаза на мне, отводит их, словно опасается, что я сумею прочитать всё по зрачкам.

— Иди ложись, уже поздно. Я в душ — и приду… — говорит он нарочито спокойно.

Слишком спокойно.

Он ещё не знает, что знаю я.

— Ты нарядилась? — его взгляд скользит по моему платью, задерживается на открытых плечах, на аккуратно уложенных волосах. — У нас кто-то был?

— Нет, — мягко отвечаю я. — Просто хотела с тобой выпить кофе. Поговорить. Помнишь, как раньше? Мы часто сидели так вечерами, когда Алёнка уже крепко засыпала…

Я улыбаюсь чуть шире, чем нужно.

Он мнётся. В его лице мелькает что-то похожее на растерянность.

— Помню, конечно. Но уже совсем поздно. Я устал.

Эта фраза звучит слишком привычно. Слишком удобно. Как заранее заготовленный ответ на любой разговор, который может стать неудобным.

И именно в этой обыденности я снова слышу ложь. Потому что раньше, даже уставший, он находил для меня время. А теперь — только отговорки.

— Устал от чего?

Он на секунду замирает.

— От работы, Надь. Что за вопросы? — отвечает он быстрее, чем нужно.

Подходит слишком близко. Как будто расстояние между нами — его главный враг. Наклоняется и целует меня в щёку. Быстро. Сухо. Так целуют не любимых женщин — так выполняют обязанность.

Я даже не вздрагиваю.

— А знаешь, Ром, я ведь тоже устала, — спокойно говорю я. — Так что садись. Всё-таки выпьем кофе.

Я двигаю к нему чашку и медленно наливаю напиток из турки. Запах крепкий, терпкий — раньше он его обожал.

— Надь, так ложись иди. Кофе на ночь — ну правда, не хочется. Потом не усну… — он морщится.

— А раньше любил. Помнишь? Что изменилось? — я смотрю ему прямо в глаза, почти не моргая.

— Помню. Просто… разлюбил, наверное. Надь, что с тобой? Ты выпила? Ты какая-то странная…

— Разлюбил? — я чуть улыбаюсь, но улыбка не касается губ. — Меня разлюбил?

Я ловлю его взгляд. Там точно есть страх. И ещё что-то хуже — равнодушие. Как будто он уже где-то в другом месте. С кем-то другим.

— Что ты городишь? — раздражение начинает пробиваться сквозь осторожность. — Давай спать. Завтра поговорим.

— Нет, Ром. — Я киваю на стул. — Садись. Завтра уже будет всё по-другому. А сейчас ты мне расскажешь, как давно ты с ней.

Слова повисают в воздухе.

Он бледнеет. По-настоящему. Не играет — не умеет так играть. Глаза расширяются, дыхание сбивается. И в этом лице больше нет ни усталости, ни раздражения.

Там — разоблачение.

— О чём ты? — голос становится глухим.

— Не надо, — тихо перебиваю я. — Я всё видела. Я сегодня была в «Розмарине». И совершенно случайно наткнулась на вас…

Я произношу это спокойно, почти буднично. И именно в эту секунду вижу, как в нём что-то окончательно рушится. Лицо меняется — маска спадает. Он понимает: выкрутиться не получится. Я застала его с поличным. И отрицать теперь — значит унижаться ещё сильнее.

Он медленно опускается на стул, будто ноги перестали держать. Свечи между нами горят неровно, отбрасывая на стены дрожащие тени. Тишина становится тяжёлой.

Рома берёт кружку дрожащими пальцами и делает большой глоток. Тот самый кофе, который «на ночь не хочется». Похоже, сейчас ему уже всё равно.

Глава 6

— Надя, что ты там делала? Почему не сказала? — Рома смотрит на меня упрямо, с плохо скрытым раздражением.

Так, будто я обязана отчитываться. Будто это я что-то сделала не так.

Я открываю рот, но слова застревают. Что я должна сказать? Что просто хотела поужинать с дочерью? Что выбрала это кафе случайно? Что совсем не планировала видеть его там — и уж тем более не планировала видеть его не одного?

Но увидела. Увидела и почувствовала себя виноватой. Ненужной. В тот самый момент ощутила себя лишней в этом кафе, как и в мире. За что потом сильно себя ругала. Ведь на одном человеке мир не кончается.

— Сказала что? — голос мой дрожит, но я заставляю себя не повышать его. — Я должна была подойти к тебе и твоей любовнице? Вместе с нашей дочерью, которая до сих пор не понимает, почему папа был с какой-то тётей и не на работе? Улыбнуться? Поздороваться? Пожелать вам приятного вечера? Это ты имеешь в виду, Ром?

Слёзы подступают к глазам, предательски жгут. Я моргаю чаще, смотрю куда-то мимо него — в стену, в пол, куда угодно, только не в его лицо. Я не хочу быть перед ним слабой. Не хочу, чтобы он видел, как мне больно.

Не хочу, чтобы он знал, что я рассыпаюсь.

А я правда рассыпаюсь. Будто в душу плюнули — тихо, без предупреждения. Будто всё, что было между нами, в один момент оказалось чем-то незначительным, легко заменяемым.

— Ты всё драматизируешь, — устало бросает он.

Я смотрю на него — и в груди что-то окончательно трескается.

— Драматизирую? — переспрашиваю я. — Наша дочь спрашивает меня вечером: «Мам, а почему мы к папе не пошли кушать? Это я драматизирую?

Он отводит взгляд.

— Не нужно было ей говорить…

— А что я должна была сказать? — перебиваю я. — Что ей показалось? Что это была галлюцинация? Или что папа просто тренируется держать чужих женщин за руку?

Я сжимаю пальцы так сильно, что ногти впиваются в ладони. Боль физическая помогает не разреветься.

— Надя, не кричи. Ты разбудишь нашу дочь своей истерикой, — говорит он ровно, почти холодно, и машинально поправляет пиджак. Тот самый, который так тщательно выбирал перед встречей с ней.

Своей истерикой.

Это слово режет сильнее пощёчины.

— Истерикой?! — я всё-таки повышаю голос, но тут же беру себя в руки. — Ты сидел с этой… бесстыжей девкой, улыбался ей, гладил её руки, волосы. А я должна молчать?

Улыбаться? Благодарить тебя за честность?

Он тяжело вздыхает, будто устал от меня. От ситуации. От необходимости что-то объяснять.

А у меня внутри кипит не только злость — унижение.

Этой Маргарите лет двадцать пять, не больше. Я не люблю сравнивать себя с кем-то, никогда не любила. Но сейчас сравнение происходит само собой, болезненно, против воли.

Она — полная противоположность мне.

Длинные наращённые волосы, идеально уложенные. Губы — слишком пухлые, явно «сделанные». Ресницы такие густые и тяжёлые, что за ними почти не видно глаз. Яркая. Броская. Громкая даже в молчании.

А я… я всегда была другой.

Минимум макияжа. Удобная одежда. Натуральность, за которую он, как мне казалось, меня и ценил.

«Не красься так ярко, тебе это не нужно», — говорил он.

«Мне нравится твоя естественная красота».

«Ты у меня настоящая».

Я верила.

Теперь в голове крутится только одна мысль: значит, где-то он недоговаривал. Или устал от «настоящей». Или эта Рита оказалась настолько интересной, настолько новой, что мой муж просто потерял голову.

— Рита не девка, — говорит он жёстко, с тем самым тоном, которым раньше защищал меня.

И в эту секунду что-то внутри окончательно обрывается.

Не потому, что он произнёс её имя. Не потому, что заступился. А потому, что сделал это так уверенно. Так естественно. Будто я — лишняя в этом диалоге.

Будто я — та, кто ошибается.

Я смотрю на него и вдруг ясно понимаю: всё когда-то заканчивается. Даже то, что казалось вечным.

Любовь, в которую я верила.

Клятвы, сказанные в день нашей свадьбы.

«И в радости, и в горе…» — кто вообще придумал эту формулу вечности?

Никто не говорит в тот день: «Пока нам удобно», «Пока ты молодая», «Пока не появится кто-то ярче».

Любви, наверное, не бывает. Бывают просто люди, которым какое-то время удобно вместе. Удобно делить быт, постель.

А потом одному становится тесно.

И он выходит «подышать».

Я вдруг чувствую странное спокойствие. Ни истерики. Ни слёз. Только пустоту.

И в этой пустоте появляется неожиданная мысль: а может быть, даже хорошо, что всё вскрылось сейчас? Не через двадцать лет. Не тогда, когда дети выросли бы, разъехались, построили свои семьи, а мы остались бы вдвоём — чужими людьми, которые просто когда-то решили «дотянуть ради детей».

Я ведь правда хотела ещё одного малыша.

Мечтала снова почувствовать, как внутри растёт жизнь. Снова держать крошечные пяточки в ладонях в роддоме. Снова плакать от счастья на выписке, глядя, как отец впервые берёт ребёнка на руки — осторожно, с трепетом, будто боится дышать.

Я представляла, как мы будем смеяться над бессонными ночами. Как дочка станет старшей сестрой. Как в доме снова появится запах молочной смеси и детского крема.

Я мечтала о большой семье. О полной. О настоящей.

Наверное, я мечтала об этом с самого детства. Что у меня будет муж — один, навсегда. Что у нас будет двое детей: мальчик и девочка. Что мы будем везде вместе — на праздниках, в отпуске, на школьных линейках. Что будем поддерживать друг друга, радоваться успехам, держаться за руки даже тогда, когда трудно.

Что он будет моей опорой.

А я — его.

Но сейчас я понимаю: эта картинка рассыпалась. Тихо. Без предупреждения.

Все мои мечты будто кто-то уронил на пол — и они разбились, как стекло. Розовые очки треснули, и сквозь трещины видно реальность, от которой холодно.

И та самая маленькая девочка во мне — та, что верила в «навсегда», — тихо села в угол и заплакала. Так, чтобы никто не слышал. Чтобы не показаться слабой. Чтобы не признаться, как больно.

Она перестала верить.

Не только ему. Людям вообще.

Я стою посреди комнаты и вдруг понимаю: я оплакиваю не только мужа. Я оплакиваю будущее, которое уже никогда не случится. Старость вдвоём на кухне с чашкой чая.

И всё же… сквозь эту боль пробивается ещё одна мысль.

Если это разрушилось сейчас — значит, дальше можно построить по-другому. Не на иллюзиях. Не на страхе потерять.

Может быть, маленькая девочка во мне ещё научится верить снова. Но уже осторожнее. Уже мудрее.

А пока я просто позволяю себе признать: да, мне больно. Да, мои мечты рухнули. Но я всё ещё стою. И буду стоять до последнего. Ради своего достоинства.

— А кто она Ром?! Кто?! Та что знала что ты женат и у тебя есть ребенок?! Полезла в семью… Ну хотя знаешь… Дело не в ней, дело в тебе Ром. Как ты мог мне врать?

Он молчит секунду. Этой секунды хватает, чтобы сердце начало колотиться где-то в горле.

— Надя… — он вдруг называет меня по имени так спокойно, будто собирается сообщить что-то бытовое. — Я собирался тебе завтра всё рассказать. Я люблю Риту. И… у нас скоро будет ребёнок.

Мир не рушится с грохотом. Он просто выключается.

Становится тихо. Настолько тихо, что я слышу собственное дыхание. Слышу, как где-то тикают часы. Слышу, как

внутри меня что-то обрывается окончательно.

Люблю Риту.

У нас будет ребёнок.

Эти слова не просто ранят. Они проходят насквозь. Глубже, чем в том кафе. Глубже, чем её рука в его руке. Глубже, чем ложь.

Видеть измену — больно. Слышать, что он любит другую — невыносимо больно.

— Ребёнок? — повторяю я почти беззвучно.

Глава 7

— Ребёнок? — повторяю я почти беззвучно.

Я ведь хотела ещё одного малыша. Я мечтала. Я представляла. Я верила, что у нас ещё будет. А он уже строил это будущее. Просто… не со мной.

— Это давно? Как давно вы встречаетесь? Как давно ты делаешь из меня идиотку? — спрашиваю я, удивляясь собственному спокойствию.

Ведь я иначе представляла наш разговор. С криками, истериками и слезами… Но, видимо, не зря я уехала из того кафе. Обдумала всё это в голове несколько раз. И сейчас… Не скажу, что мне легче, но будто бы я прожила уже этот момент, когда меня уже убили. А убить дважды невозможно, поэтому сейчас я говорю спокойно, без живых эмоций, которые больше никогда не появятся к этому человеку.

— Несколько месяцев.

Несколько месяцев. Значит, когда он говорил, что устал на работе. Когда был «в командировке». Когда отстранялся в постели. Когда я думала, что это кризис, стресс, усталость — он уже любил её.

— И ты собирался рассказать мне завтра? — губы трогает горькая усмешка. — Как удобно. После того как я сегодня всё увидела?

Он хмурится.

— Я не хотел, чтобы ты узнала так.

— А как? — смотрю прямо на него. — Ты несколько месяцев думал и решался мне об этом сказать? Да и как насчёт секса, Ром? Ведь у нас же он был… Хоть и реже, но был… Ты ей говорил, что с женой не спишь несколько месяцев? — усмехаюсь, сама не веря в то, что происходит. А ведь я даже не задумывалась, что после кого-то он ложился в нашу постель. Вдруг чувствую дикое отвращение, такое, что аж немного передергивает.

Он молчит. И в этой тишине я вдруг понимаю: всё. Это конец не брака — он закончился раньше. Это конец иллюзии.

Я больше не его женщина. Я не «навсегда». Я — прошлое. И, странно, но слёз нет. Есть только холод и ясность.

— Надь, перестань. Я полюбил. Так бывает. Да, врал, не отрицаю. Но я собирался сказать, просто не мог найти момент. Прости…

— Прости? — говорю я тихо. — Просто не мог найти момент, чтобы отпустить меня? Чтобы не пудрить мне мозги?! Ты несколько месяцев жил на две семьи?! Хотя о чём это я? Ты больше не наша семья, Ром, — я бесшумно отодвигаю чашку и встаю со стула. Иду к раковине, хочу вымыть, но вдруг роняю её в раковину и разбиваю.

— Так вышло, Надь… Я всегда буду рядом, если нужна моя помощь. Алёнка ведь тоже остаётся моей… Я же её отец, Надь…

Слушаю и понимаю. Что сейчас он так говорит. А ведь редко когда отцы по-настоящему проводят много времени со своими детьми от бывших жён. Тем более когда у них рождаются ещё дети… Как бы больно ни было, но это может также коснуться Алёнки, которая так привязана к отцу.

Он делает шаг ко мне, будто хочет что-то добавить, объяснить, сгладить.

— Не надо, — останавливаю я его жестом. — Самое честное, что ты сделал за всё это время — это сейчас сказал правду.

Где-то в детской тихо вздыхает во сне наша дочь. Наша. И от этого слова внутри снова что-то сжимается.

— Иди, Ром, — произношу я устало. — К своей любви. К своему будущему ребёнку.

Я смотрю на него, как будто в последний раз — не как на мужа, а как на человека, который когда-то им был.

— Я завтра соберу вещи. А насчёт дома… потом решим, — лениво бросает он, проходя мимо, даже не глядя на меня.

Я стою у мойки и машинально разгребаю осколки чашки. Не замечаю, как один из них впивается в палец. Красная полоска медленно растекается по воде. А я просто смотрю, как кровь растворяется в потоке — будто всё, что у нас было, уходит туда же, в слив.

— Сейчас, кстати, можно подать на развод онлайн, — добавляет он буднично, словно говорит о банковском переводе или счетах за свет. — Тебе придёт уведомление.

И в этот момент я начинаю смеяться. Тихо, коротко, почти беззвучно. Истерически, но с каким-то странным спокойствием. Смех больше похож на судорогу — не смешно, не больно, просто абсурдно. Глупо. Он даже не учел, что у нас маленький ребенок, и развод будет идти только через суд.

Он стоит в дверях кухни, смотрит на меня и, кажется, ждёт реакции. А я вдруг понимаю, что сказать нечего. Ведь всё уже сказано.

Разговор, который я столько раз прокручивала в голове, представляла по-другому. Я готовилась к крикам, к слезам, к его попыткам объяснить, оправдаться. Хоть к какому-то раскаянию, к слову «прости» — пусть запоздалому, но человеческому.

А вместо этого — холодное «подать онлайн» и равнодушный тон, будто речь идёт не о разрушенной семье, а о бытовой формальности.

Я сморщиваю лоб, вытираю палец бумажным полотенцем. Смотрю на тонкую линию крови — и вдруг понимаю, что этот порез хоть немного возвращает меня в реальность. Настоящая боль проще выносится, чем та, которую не видно.

— Ром… — останавливаю его, когда он уже почти вышел из кухни.

Он оборачивается, всё ещё с тем выражением лица, будто мы обсуждаем обычные бытовые вещи.

— Что, Надя? — спрашивает спокойно. И взгляд… тот самый, родной некогда взгляд, на мгновение вспыхивает теп-

лом, но тут же гаснет. Становится чужим, пустым, безразличным. От этого внутри что-то сжимается до боли.

Я выпрямляюсь, вытираю руки от воды, словно готовлюсь к важному разговору.

— А как же моя должность? — спрашиваю без дрожи в голосе. — Она ведь уходит в декрет. Я хочу выйти на работу вместо неё.

Он замирает. На лице мелькает искреннее удивление — будто мои слова выбивают почву из-под ног. Долгая, неловкая, почти комичная пауза застывает на его лице.

— Надь… — произносит наконец. — Зачем тебе это? Я думал, ты не сможешь работать там… Думал, ты уволишься.

Я вижу, как он запинается, оглядывается, будто ищет правильные слова, чтобы смягчить смысл сказанного.

— Рита… хотела досидеть до декрета, — добавляет он осторожно. — А тебе-то для чего туда выходить? Ты сможешь работать там после всего этого? — спрашивает он меня, вновь будто показывая, что это не он, а я ему изменила.

С какой стати он решил, что я испугаюсь и не выйду на работу только потому, что он начальник? Да мне абсолютно всё равно на эту Риту. Это моя должность, и я имею полное законное право вернуться к своим обязанностям — хочет он этого или нет. Моё место никто не имеет права занимать, а решения о моём выходе принимаю я, а не чьи-то личные амбиции.

Глава 8

— И ты хочешь, чтобы я уволилась? — смеюсь громко, но смех выходит обидным, резким.

— Я думал, ты сама решишь уйти… — мнётся Рома, отводя взгляд.

Теперь мне ещё больше хочется поскорее выйти на работу. Аленку уже давно ждут в саду, остаётся только сдать анализы — и всё, можно возвращаться.

— С чего бы это вдруг, Ром? Я не собираюсь увольняться, — говорю уже слишком уверенно. — Пусть уходит Рита, она занимала временную должность, как изначально и было оговорено.

Рома словно сам не свой. Он не ожидал такого ответа. Совсем не ожидал. Его привычное спокойствие растворяется в какой-то внутренней панике. Он нервно переминается с ноги на ногу, сжимает руки.

— Зачем? Зачем тебе это, Надь? — выдыхает он, голос дрожит. — Будь с Аленкой. Зачем тебе работа? Я дам тебе на первое время денег… У тебя же этот фриланс был? Неужели не хватит?

Он злится — не скрывает этого. Лицо и жесты выдают раздражение, которое он тщетно пытается замаскировать заботой.

Я смотрю на него — и вдруг понимаю: он не хочет, чтобы я

возвращалась не из-за Риты, не из-за должности. Он боится потерять контроль над ситуацией.

— Я выхожу на работу, Рома. И это не обсуждается, — произношу спокойно, даже слишком. Он поднимает на меня глаза, будто проверяет, серьёзно ли я.

— Нет, этого не случится, Надя. Не неси чушь, — говорит он раздраженно. — У Риты сейчас гормоны, я не собираюсь ставить её под удар. Я не скажу ей ничего. Ты возьмёшь деньги — и тебе с Аленкой хватит. Только, пожалуйста, не порть ничего. Не лезь на рожон, прошу тебя…

Его голос маскирует приказ под заботу, но я слишком хорошо его слышу.

— Что?! — злюсь так, что почти смеюсь. — Да мне плевать и на тебя, и на твою Риту!

Он морщится, но я уже не останавливаюсь.

— «Нам с Аленкой на первое время хватит?» — передразниваю. — Спасибо за подачки, милый, но можешь сам подавиться своими деньгами! Я с тебя ничего брать не собираюсь. У меня есть работа, и именно там я буду зарабатывать на себя и на дочь. А еще… — задумываюсь, ведь я до декрета много работала на его фирме, и она развивалась с каждым годом, теперь надо проконсультироваться с юристом, по-хорошему я имею права на компенсацию.

Я улыбаюсь — натянуто, почти сквозь слёзы. Внутри всё горит от обиды. Он решил просто вычеркнуть меня. Отобрать не только работу, но и ту часть жизни, что делала

меня собой.

А ведь я всегда любила свою работу. Настолько, что до последнего не хотела идти в декрет.

А теперь — я выйду. Принципиально. Не потому что должна, а потому что имею право.

Пусть Рита идёт отдыхать — декрет для того и существует. А вот Рома… он, похоже, до сих пор не понял, что женщины не обязаны исчезать ради чужих интрижек и ложной «мужской заботы».

Интересно, кто-то из офиса знает об их отношениях?

Многие там стали мне близки — коллеги. Интересно, как они посмотрят на это, когда я вернусь и просто войду в кабинет, словно ничего не случилось…

— Надя, Рита будет работать у меня до самого декрета. Я начальник, если ты забыла. И это я тебя туда устроил, — говорит он, нервно ходя по комнате, выпрямляя спину, как будто этим пытается вернуть себе уверенность.

— И что начальник? — усмехаюсь, следя за ним глазами. — Ты меня уволишь?! Ты не сможешь.

— Смогу, Надя. Ты же знаешь, что смогу. Хватит нести чушь. Мне уже надоело одно и то же. Голова болит — я хочу просто отдохнуть!

— Сможешь? — смеюсь коротко, почти с вызовом. — Это как, прости? Хорошо, тогда я буду судиться. Ты не имеешь права меня уволить — я нахожусь в официальном декрете, и по закону защищена от любых увольнений. Так что можешь

хоть лопнуть от злости, но просто выкинуть меня не получится!

Рома сжимает челюсти. Его глаза становятся жёсткими, губы дрожат — едва сдерживает крик.

— Надя, когда ты успела так изучить свои права? — шипит он. — Прости, конечно, но ты сейчас нарываешься.

— Вот оно как, заговорил… — тихо отвечаю. — И что дальше? Ударишь меня? — Улыбаюсь с горечью. — Браво, Рома. Вот оно твоё настоящее отношение. Только сейчас я понимаю, как мне повезло.

— Сумасшедшая! — рявкает он, проходя мимо. — Мне тоже повезло, что я ухожу от тебя! Я спокойно всё объяснил, извинился, а ты несешь какую-то чушь про работу! Ты, что, совсем гордость потеряла, да?!

— Нет, Ром. — произношу почти шёпотом, но так, чтобы каждое слово резануло воздух. — Я её как раз таки нашла. И знаю, что мне положено. А бояться тебя или твоей дамы я не собираюсь!

— Хорошо! Выходи на работу, если ты так этого хочешь! Только потом очень сильно об этом пожалеешь! — шипит Рома.

— Угрожаешь? Быстро ты переобулся. Ты же только что говорил, как будешь нас поддерживать, и уже грозишься мне? — выплескиваю я всю ненависть, что появляется к этому человеку.

— Это ты нарываешься, Надя! Я думал, ты умная, пой-

мёшь… А ты… Как всегда, в общем!

Он что-то шепчет себе ещё под нос, берет свою сумку, ключи от машины и, громко хлопнув дверью, уходит.

Я вздрагиваю от резкого удара двери. В ушах даже перепонки звенят. Боль стискивает всё тело, и тут же я глубоко выдыхаю. Ушёл. Не выдержал напора. Он так просто говорил про свой уход, будто готовился к этому несколько месяцев…

Готовился, но продолжал лить мне в уши ложь. А сейчас решил заменить этой Ритой всё, что пожелает. И с работы меня автоматически уволил, потому что они так решили.

Смеюсь. Горько и нелепо смеюсь себе в лицо. Но теперь я точно не сдамся. Теперь я точно буду сильной, чего бы мне это ни стоило.

Глава 9

Спустя два месяца

— Мамочка, смотри, там домик большой! — радостно пищит Алёнка, показывая мне на детскую площадку, где её группа гуляет во время утренней прогулки.

Я сразу отметила: там стоит тот самый пластмассовый домик, о котором она уже неделю рассказывала перед сном.

— Как здорово! Тебе нравится в садике? — улыбаюсь я, присаживаясь, чтобы поправить ей заколку.

Алёнка кивает так серьёзно, будто сообщает что-то действительно важное, и щурится от зимнего солнца.

— Да, мама! Я к Маше побегу! — громко визжит дочь, целует меня в щёку и бежит к её новым подругам. Адаптация нам далась просто отлично: ведь Алёнка у меня очень общительная девочка.

Какая же она у меня красивая… Моя девочка.

Я ведь всю жизнь мечтала о дочери — чтобы заплетать ей косички, выбирать бантики, покупать платьица, чтобы её детство было лёгким и ярким, не таким, как моё.

В моё время такого изобилия не было. Мы носили то, что оставалось: что отдавали соседи, друзья мамы, иногда даже знакомые, у которых дети выросли. Я тогда не понимала, что это бедность; мне казалось, что просто так у всех.

Я росла в небольшом городке недалеко от Москвы. Наш

дом стоял у самой железной дороги, и каждое утро я просыпалась от далёкого грохота вагонов. Папа работал на заводе, возвращался поздно, всегда уставший. Мама — продавцом в единственном магазине поблизости.

Я часто ходила к ней после школы. Любила наблюдать, как она ловко отпускает товар, улыбается каждому покупателю.

Мне казалось, что она самая добрая и самая красивая на свете. А когда я подросла, начинала ей помогать: убирать полки, советовать людям, что купить. Мне это так нравилось! Я всем говорила: «Идите в магазин, где работает моя мама — там лучше, чем в том, на другой улице!»

Мама потом смеялась и говорила, что покупателям от нас теперь просто не отбиться.

Помню, когда я заканчивала школу и собиралась поступать в институт в Москве, мама всё пыталась отговорить меня.

Она говорила, что это сложно, дорого и… не особенно нужно.

«Девушке не обязательно учиться, — твердила она. — Главное — выйти замуж, устроить жизнь. Муж будет зарабатывать, а ты будешь заниматься домом».

Я тогда только отмахивалась. В душе кипело желание доказать, что всё может быть иначе.

Как я могла смириться с мыслью, что моя судьба — зависеть от кого-то?

Если бы я тогда послушала маму, то осталась бы в своём

городке, ходила бы теми же улицами и, наверное, так и не узнала, какая большая бывает жизнь.

Я упорно готовилась, пересдавала экзамены, стояла в длинных очередях с документами — и всё ради одной цели: уехать.

Уехать туда, где можно было жить по-своему.

И я сделала это. Поступила. Переехала. Строила всё с нуля — жильё, друзей, себя.

Но иногда я думаю: странно, как жизнь всё расставляет.

Я убежала от зависимости — и всё равно оказалась под властью. Не в браке, а на работе.

Теперь у власти надо мной — Рома, мой начальник и руководитель фирмы, в которую он меня устроил. Он может одним словом всё изменить: повысить, уволить, оставить без проекта. Но пока закон на моей стороне.

Я стараюсь не показывать, что мне бывает страшно. Но где-то глубоко внутри всё равно ёкает — особенно когда он смотрит слишком пристально или говорит слишком уверенно.

И всё же я не отступаю. Я не позволю, чтобы кто-то снова решал за меня, кем быть и чего заслуживать. Мама тогда ошибалась: карьера для женщины — не каприз. Это возможность стоять твёрдо и не просить.

На сегодняшний день я уже сделала несколько шагов в новую жизнь.

После того как Рома спокойно и почти холодно сообщил,

что у него появилась другая, я изо всех сил старалась не потерять лицо.

Но когда за ним закрылась дверь, всё внутри оборвалось. Я сползла по стене, будто вместе с ней рушилась вся моя прежняя жизнь — та, где ещё вчера он был рядом.

Я долго сидела так, не в силах ни заплакать, ни пошевелиться. А потом слёзы хлынули сами — беспощадные, горячие, нескончаемые.

Всю ночь я пролежала в постели, обнимая пустоту, судорожно втягивая воздух, будто пытаясь вернуть себе дыхание вместе с ним.

Под утро слёзы иссякли, наступила усталость, и я наконец провалилась в какой-то короткий, тревожный сон.

Когда я встала, умылась холодной водой и пошла готовить дочери завтрак, внутри было тихо.

Я понимала, что не могу показывать Алёнке свою слабость. Она ещё слишком мала, чтобы видеть, как рушится мир взрослых.

По совету подруги я набрала номер психолога.

Консультация была короткой. Я говорила почти всё время — о боли, страхе, пустоте, о том, как не узнаю себя.

Психолог не перебивала, не давала готовых рецептов. Она просто слушала.

А потом тихо сказала:

«Вы на первом этапе. Отрицание, слёзы, бессилие — всё это правильно. Пока вы не проживёте боль, она не отпустит».

Эти слова словно позволили мне разрешить себе плакать, проживать боль, а не прятать её за привычной маской стойкости. Ведь время — единственное, что действительно лечит.

Конечно, Рома никогда не узнает, как мне было больно. При первой встрече — уже в суде — я улыбнулась.

Всё звучало деловито, спокойно, будто мы обсуждаем чью-то чужую жизнь.

Ребёнок ещё маленький, и развод требовал официального решения.

Так прошли эти дни — я будто не жила, а просто существовала. Но уже через месяц что-то внутри стало меняться.

Я впервые проснулась без тяжести в груди.

Пошла к зеркалу, посмотрела на своё отражение и впервые за долгое время улыбнулась. Мне снова захотелось дышать полной грудью, расправить плечи, почувствовать себя настоящей женщиной — собой, живой, сильной, новой.

А вот Рома оказался ещё тем «настоящим мужчиной».

Когда начался раздел имущества, он пытался спрятать счета — наши общие, нажитые вместе.

В какой-то момент он вдруг решил, что всё, что было «наше», стало «его». Но хороший юрист, на которого у меня были деньги от моего фриланса, помог переубедить его в этом. Он это понял сразу и хотя бы с жильём не стал устраивать войну: выплатил мне положенную сумму за мою часть дома.

Мы с Алёнкой забрали свои вещи и ушли.

А он остался — со своей новой жизнью, с новой любовью — в доме, который я когда-то наполнила теплом.

Каждый уголок этого дома был создан моими руками: я выбирала обои, подбирала вазочки, коврики для ванной, старалась, чтобы всё было уютно. Я вложила в него не просто силы — я вложила себя.

Но когда вопрос о доме стал окончательным, я поняла: больше не хочу здесь оставаться.

Этот дом теперь пуст — не потому что исчезли вещи, а потому что ушла я прежняя. Больнее всего было понять, что любовь, забота и тепло не живут в стенах, если в них больше нет человека, который их создавал.

Мы с Алёнкой сразу же купили двухкомнатную квартиру в новом районе.

Она сразу прижилась — радовалась просторной комнате и большой детской площадке прямо во дворе. А я наконец-то почувствовала спокойствие.

У нас появился свой маленький мир.

Новый, чистый, без теней прошлого.

Я даже нашла себе подругу в соседнем доме — мы гуляем с детьми, пьём кофе и смеёмся над тем, что жизнь всё-таки умеет возвращать радость, пусть и не сразу.

Когда я смотрю на Алёнку, которая бежит к качелям со звонким смехом, я понимаю: всё не зря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.